

ФЕЛЬЕТОНЪ „ОДЕССКАГО ЛИСТКА“

3-го сентября 1889 года.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА.

Наше театральное дѣло.

Лѣто — окончено, хотя погода, по прежнему — прекрасная; ночи темны и холодны; по временамъ льдется дождикъ, со всѣми неприятными послѣдствіями его въ дачной жизни; чувствуется приближеніе осени. Загородныя увеселенія надобно и погасили свою привлекательность. Хотелся чего-то новаго. А это новое — все то же старое, отъ котораго бѣжало петербургское населеніе съ приближеніемъ весны. Да и порою разиратался къ обычному обиходу. Наконецъ распахнули свои гостеприимныя двери Императорскіе театры, и, такимъ образомъ, нормальная (или, вѣрнѣе, совершенно ненормальная) столичная жизнь входитъ въ свою колею. Не вѣдаешь, поэтому, сдѣлать легкой обзоръ театральной дѣятельности прошлаго и указать на то, какія надежды у насъ существуютъ для будущаго.

Эту бесѣду о столичной жизни я начинаю съ театральной дѣятельности, потому что для петербуржца театр — одно изъ главныхъ условій его жизни. Правда, онъ не особенно ревностно «поощряетъ» театральное искусство, относится къ нему, что называется, съ冷淡ка, похаживаетъ вѣдь, что не придаетъ ему никакого серьезнаго значенія, но, въ дѣйствительности, онъ дорожитъ театромъ и утѣренъ, что безъ театра онъ бы умеръ со скуки. Оно и въ самомъ дѣлѣ: театр для петербуржца — источникъ умственной дѣятельности, поднесенъ нервовъ, умственной индѣтальности, возбужденія. Литература его не занимаетъ, онъ почти ничего не читаетъ, — за исключеніемъ газетъ, которыя «пробѣгаетъ» въ какой-нибудь четверть часа, а такъ же за исключеніемъ поданыхъ французскихъ романовъ, которые онъ читаетъ на сонъ грядущій, или въ вагонѣ желѣзной дороги, когда ѣдетъ на дачу, или возвращается оттуда. Выбѣшныя лѣтоты, напримеръ, входя въ вагонъ, почти навѣрняка можно было сказать, что встрѣтатъ тамъ двухъ — трехъ солидныхъ господъ, изъ числа адвокатовъ, или салонниковъ, литераторовъ, или коммерсантовъ, погруженныхъ въ чтеніе романа Вуржэ «Le Disciple», или романа Монассана «Fort comme la mort». Безъ этихъ возбуждающихъ средствъ, дающихъ поводъ петербуржцу хоть сколько-нибудь шевелить мозгами, — петербургскій житель — прескучившій человекъ. Онъ всегда чѣмъ-то недоволенъ, всегда угрюмо погруженъ въ свое недовольство, всегда — съ печальною скукой на лицѣ. Въ немъ нѣтъ никакой умственной индѣтальности, онъ галь и оживляется только тогда, когда говоритъ о своихъ личныхъ интересахъ, или когда рассказываетъ какіе-нибудь слухи и сплетни. Повѣтню, поэтому, что для поддержанія умственной и, вообще, психической жизни, петербуржцу необходимы внѣшнія возбужденія. Однимъ изъ такихъ возбужденій является театр.

Въ этомъ отношеніи петербуржецъ даже, отчасти, изобалованъ: онъ привыкъ къ хорошему театру. Скажутъ, можетъ быть, что Александринскій театръ этимъ качествомъ не отличается. Это правда. Но вѣдь петербуржецъ — не патриотъ; онъ прежде всего — космополитъ въ самомъ сверхономъ и узкомъ значеніи этого слова. Отечественныя искусства онъ мало интересуется, а когда интересуется, то не изъ любви къ искусству, а вѣдѣтвие какаихъ-либо постороннихъ обстоятельствъ. Къ тому-же, кромѣ русскаго театра, петербуржецъ имѣетъ еще театры и другихъ національностей: прекрасную нѣмецкую труппу, недурную французскую, затѣмъ оперу въ равныхъ видахъ — русскую, французскую, итальянскую, а по временамъ — даже нѣмецкую, какъ это было въ прошлую зиму и выбѣшныя лѣтоты. Но надо прибавить, что къ этимъ разнообразнымъ театральнымъ удовольствіямъ онъ относится различно: настоящій петербуржецъ никогда не посѣждаетъ нѣмецкаго театра: это удовольствіе онъ предоставляетъ спеціально петербургскимъ нѣмцамъ; нѣмецкихъ актеровъ онъ считаетъ кельнерами плохенькой берлинской гостиницы, а нѣмецкихъ актрисъ — кузарками. Въ Александринскомъ театрѣ онъ бываегъ рѣдко: преимущественно тогда, когда даются пьесы г. В. Александрова, или когда является что-либо совершенно необыкновенное и рѣдкостное, напримеръ, пьеса князя Мещерскаго. Къ русской оперѣ онъ относится сдержанно и «поощряетъ» только трехъ — четырехъ красивыхъ пѣвицъ. За то онъ усердно посѣждаетъ итальянскую оперу и, въ особенности, французскій театр.

Тутъ онъ находитъ все, чего ищетъ: «красивую» игру и изящное, свѣтское общество. Впрочемъ, все то, что я сейчасъ сказалъ, относится къ саовоному и чиновному Петербургу, къ петербургскому космополиту, для котораго существуетъ только то, что составляетъ ему легкое и удобопріимое удовольствие и которому нѣтъ въ избѣнаго дѣла ни до русскаго искусства, ни до русскаго искусства, — тому самому космополиту, который весьма интересуется спеціально княземъ Мещерскимъ, который въ настоящее время знакомится съ произведеніями Толстого, Тургенева, Достоевскаго по французскимъ сквернымъ переводамъ и который, наконецъ, знаетъ Салтыкова только по наслышкѣ, ибо въ его обществѣ Салтыковъ имѣетъ репутацію разрушителя «осововъ». Но въ Петербургѣ существуетъ и другая публика, составляющая, какъ это само собой разумеется, большинство; это — средній образованный классъ, публика, которая еще вѣрять и въ искусство, и въ литературу, и въ поэзію, и въ высшую умственную жизнь. Эта публика читаетъ русскіе журналы, очень рѣдко посѣждаетъ французскій театръ, хотя и не отрицаетъ его, бываегъ на выставкахъ, считаетъ единственнымъ выдающимся художественнымъ критикомъ г. Стасова, весьма поощряетъ «Александринку», въ восторгѣ отъ русской оперы, въ особенности когда дають произведеніе одного изъ «скупачиковъ» и, вообще, увлекается. Собственно объ этой-то публикѣ и объ ея художественно-театральныхъ интересахъ я и навѣрняка ска ать нѣсколько словъ.

Надо высказать горькую правду: театральное дѣло въ Петербургѣ изъ году въ годъ все больше и больше падаетъ. О французской труппѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ она была лѣтъ сорокъ, тридцать тому назадъ — нѣтъ и помину. Тогда эту труппу составляли, въ большинствѣ случаевъ, корифеи парижскаго театрального міра; случалось, что по временамъ французскій театръ въ Петербургѣ былъ лучше, чѣмъ даже Comedie Francaise въ Парижѣ. Повѣтню, что такая труппа удовлетворяла художественныя требованія художественно-настроивной публики, — такая труппа, къ тому-же, была прекраснѣйшимъ образцомъ и для русскаго интера, который очень часто бывалъ во французскомъ театрѣ и «учился». И, дѣйствительно, въ тѣ отдаленныя времена и уровень русскаго театра былъ значительно выше, художественнѣе: тогда были Мартыновы, Каратыгинны, Васильевы. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло, и художественная жизнь Петербурга совершенно избѣналась. Выбѣшняя французская труппа набирается исключительно изъ парижскихъ дебютантовъ, которые и дѣлаютъ «карьеру» въ Петербургѣ, ибо — «на безрыбьи и ракъ рыба». Репертуаръ французскаго театра съ каждымъ годомъ новьяется: ставятся или глумныя

вольтеры и которону нѣтъ въ избѣнаго дѣла ни до русскаго искусства, ни до русскаго искусства, — тому самому космополиту, который весьма интересуется спеціально княземъ Мещерскимъ, который въ настоящее время знакомится съ произведеніями Толстого, Тургенева, Достоевскаго по французскимъ сквернымъ переводамъ и который, наконецъ, знаетъ Салтыкова только по наслышкѣ, ибо въ его обществѣ Салтыковъ имѣетъ репутацію разрушителя «осововъ». Но въ Петербургѣ существуетъ и другая публика, составляющая, какъ это само собой разумеется, большинство; это — средній образованный классъ, публика, которая еще вѣрять и въ искусство, и въ литературу, и въ поэзію, и въ высшую умственную жизнь. Эта публика читаетъ русскіе журналы, очень рѣдко посѣждаетъ французскій театръ, хотя и не отрицаетъ его, бываегъ на выставкахъ, считаетъ единственнымъ выдающимся художественнымъ критикомъ г. Стасова, весьма поощряетъ «Александринку», въ восторгѣ отъ русской оперы, въ особенности когда дають произведеніе одного изъ «скупачиковъ» и, вообще, увлекается. Собственно объ этой-то публикѣ и объ ея художественно-театральныхъ интересахъ я и навѣрняка ска ать нѣсколько словъ.

Надо высказать горькую правду: театральное дѣло въ Петербургѣ изъ году въ годъ все больше и больше падаетъ. О французской труппѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ она была лѣтъ сорокъ, тридцать тому назадъ — нѣтъ и помину. Тогда эту труппу составляли, въ большинствѣ случаевъ, корифеи парижскаго театрального міра; случалось, что по временамъ французскій театръ въ Петербургѣ былъ лучше, чѣмъ даже Comedie Francaise въ Парижѣ. Повѣтню, что такая труппа удовлетворяла художественныя требованія художественно-настроивной публики, — такая труппа, къ тому-же, была прекраснѣйшимъ образцомъ и для русскаго интера, который очень часто бывалъ во французскомъ театрѣ и «учился». И, дѣйствительно, въ тѣ отдаленныя времена и уровень русскаго театра былъ значительно выше, художественнѣе: тогда были Мартыновы, Каратыгинны, Васильевы. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло, и художественная жизнь Петербурга совершенно избѣналась. Выбѣшняя французская труппа набирается исключительно изъ парижскихъ дебютантовъ, которые и дѣлаютъ «карьеру» въ Петербургѣ, ибо — «на безрыбьи и ракъ рыба». Репертуаръ французскаго театра съ каждымъ годомъ новьяется: ставятся или глумныя

Одесский листок

1889г, 3 сентября, №234,

с. 2.

человеком, или только водила, съ специальною целью выставить дамские костюмы. Вот уже двадцать лет я не знаю истинного «литературного и сценического события» на сцене петербургского французского театра: все или старина, или пейзаж, бездарная повязка. О французских классиках, разумеется, и помину нет: не ставят ни Вольтера, ни Расина, ни даже Мольера. Даже Виктор Гюго не пользуется благоволением дирекции.

Приблизительно то-же самое можно сказать и обь Александринском театре. Репертуар этого театра замечательно въ настоящее время плох и даже просто похл, не смотря на то, что начальником репертуарной части состоит такой сбудущий человек, как А. А. Потбианъ. Въ прошлом сезоне на Александринской сцене было только два, если можно такъ выразиться, события: «Татьяна Гривина» г. Суворина и «Ивановъ» г. Чехова, — события во всякомъ случаѣ. Острого сего совершенно не даютъ, напротивъ, потому что нетъ подходящихъ артистовъ. Въ прошломъ году поставили пьесу «Гроу» Островскаго съ г-жею Савиной въ роли Екатерины. Г-жа Савина не справилась съ этой ролью, была въ ней чрезвычайно плохо и совершенно испортала пьесу. Въ время драматическаго писателя одинъ изъ г. В. Александрова, директоръ театра, предложилъ за это ему переписать пьесу и написать три-четыре пьесы, и эта-то пьеса состоялась, такъ сказать, вь пьесе де режисера Александринскаго сцене въ текущій сезонъ. А, между тѣмъ, благодаря усиліямъ и стараніямъ дирекція, постановка пьесы сдѣлала огромнѣйшій шагъ впередъ: пьеса ставится чрезвычайно тщательно, богато, изящно, — то-есть въ томъ какъ въ лучшихъ парижскихъ театрахъ. Артисты то-же подтянулись: они не только выучиваютъ роли (чего прежде не было), но и добросовѣстно относятся къ игре, дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы ансамбль былъ превосходенъ. И усилія эти въ большинствѣ случаевъ увѣнчались успѣхомъ. А въ общемъ, тѣмъ не менѣе, Александринскій театръ никакъ и не представляетъ ни малѣйшаго интереса *).

*) В. В. Чубинъ, большой знатокъ сцени, не только директоръ труппы Александринскаго театра, которая все-же блестяще именами такихъ артистовъ, какъ г. Давидовъ, Сазоновъ, Киселевскій, Варламовъ и др. и г-жи Савина и Стрелитова, а также одесскіе знаменитыя сценики приходятъ въ толкѣмъ восторгѣ отъ игры бездарныхъ артистовъ, которыми

зависитъ это, между прочимъ, отъ многихъ и очень сложныхъ причинъ. Во-первыхъ, плохое состояніе театра зависитъ отъ упадка драматической литературы, ибо пьесы г. В. Александрова нельзя, серьезно, считать литературой. Кое-какое движеніе и въ этотъ смыслѣ, разумеется, существуетъ. Кое-что сбудется въ будущемъ, но пока — только сбудется. Есть два-три молодыхъ писателя, подающіе надежды: гг. Щегловъ и Тихоновъ, напримѣръ. Но до сихъ поръ она ничѣмъ серьезнымъ еще не разрѣшилась и что создадутъ въ будущемъ, еще неизвестно. Затѣмъ, труппа Александринскаго театра, при всей своей многочленности, составлена чрезвычайно неудачно. Она не годится ни для настоящей комедіи, ни для настоящей драмы, а главное, не годится для драмы. У насъ нетъ ни одного истиннаго драматическаго актера, нетъ истинно драматическаго актрисы; г-жа Стрелитова годится только въ пьесы Островскаго или, вообще, въ бытовыхъ пьесахъ. Нетъ, кромѣ того, хоть сколько-нибудь предстательскаго жанре premier. При такихъ условіяхъ, какъ возможно выставить настоящую драму, — я говорю: настоящую драму, а не постановочную. Говорятъ, что дирекція въ наивѣнствѣ году задумала поставить «Гамлета» съ г. Давидовымъ въ роли датскаго принца, и въ волю переводитъ. Напримѣръ — чрезвычайно похвально, за которое дирекція заслуживаетъ благодарности истѣ истинныхъ любителей театра. Но спрашивается — возможно-ли выдвинуть это на первый планъ? По какому, нельзя. Дѣло, конечно, не въ роли самого Гамлета: разумеется, г. Давидовъ въ роли датскаго принца не только удовлетворитъ: онъ, несомнѣнно, умный и чрезвычайно даровитый актеръ; но роль Гамлета — не въ стрѣб его таланта. Тѣмъ не менѣе, роль онъ не испортитъ, а можетъ быть придастъ ей что-нибудь даже своеобразное. Но кто будетъ играть Офелію? Кто будетъ играть Полонія, Ларта? На-

истомъ — на какой-нибудь второстепенной люб-ной сценѣ, а въ некоторыхъ — такъ прино въ балаганѣ. Но, что всего забавнѣе, — это, то что еще такъ недавно тѣ-же, съ позволенія сказать, рецензенты указывали на недочеты въ игрѣ гастролирующихъ у насъ асовосскихъ артистовъ, а именно гигантскія въ сравненіи съ «викимидиана сцени», выбранной съ сосенки да съ бору г. Казанцевскихъ. Не помню, что въ отголоскѣ гг. рецензентовъ игра Казанцевскихъ артистовъ — не причѣтъ и что имъ итѣмъ тутъ дѣло съ... весьма неостроумнымъ полемическимъ приемомъ...

Ред.

коонецъ, кто будетъ играть короля? Какъ-то года два тому назадъ я видѣлъ «Гамлета» въ Павловскѣ; роль датскаго принца исполнялъ г. Ивановъ-Козельскій. Этого представленія я никогда не забуду. Гамлетъ оказался психопатомъ, Офелія изображала изъ себя что-то небыто-диковое; король страшно вращалъ зрачками, какъ-то уродливо игралъ и, вообще, былъ настоящимъ пивергомъ. Боюсь, что и съ представлениемъ на Александринскомъ театре произойдетъ нѣчто подобное; но, главнымъ образомъ, боюсь за короля и за королеву. Это, конечно, — второстепенныя роли, но у Шекспира и съ второстепенными ролями нужно обращаться осторожно и умно. А, между тѣмъ, на Александринскомъ театре именно второстепенныя роли исполняются изъ рукъ конь плохо. Ихъ даютъ, обыкновенно, самымъ бездарнымъ актерамъ, которые портятъ рѣшительно всякое удовольствіе.

Наконецъ, есть еще, по-моему, третья причина плохого состоянія русскаго театра въ Петербургѣ. У насъ нетъ истинно-художественной среды, какая существуетъ, напримѣръ, въ Москвѣ. Странное дѣло, но въ Петербургѣ, гдѣ поощряются всякія искусства, — публика не художественно настроена. Въ театре, напримѣръ, она ищетъ не эстетическаго удовольствія, а просто препровожденія времени. Вѣдѣніе этого и требованія ее очень поведки. Это — требованіе толпы, которая ищетъ простаго арѣянца и о художественности не заботится. При этихъ условіяхъ, конечно, — всякое дѣланіе — благо, и даже чѣмъ полнее это дѣланіе, тѣмъ оно и лучше: посредственность всегда принятѣе толпы, чѣмъ что-либо выдающееся.

До какой степени петербургская публика не художественно настроена — можетъ обнаружить одинъ фактъ: фактически у насъ существуетъ, вотъ уже дѣтъ десять, свобода театровъ. Москва этой свободой воспользовалась, и воспользовалась замѣчательно удачно: въ Москвѣ есть нѣсколько частныхъ театровъ, которые процвѣтаютъ; эти театры итѣмъ превосходятъ труппы и порядочный репертуаръ. Существуютъ-ли въ это подобное въ Петербургѣ? — Нѣтъ. Въ Петербургѣ только и есть, что Александринскій театръ. Съ прошлаго года, правда, у насъ существуетъ одинъ частный театръ, — театръ г-жи Нелетти, но его, говорятъ, мало посѣщаютъ. Правда, у насъ въ каждомъ клубѣ есть свои сцены, и ежедневно даются спектакли, но это — нѣчто совершенно безобразное...

С. Петербургъ

В. Чубинко.